

№ 499. Суббота, 10 июля 1904 г.

Годъ XVIII.

№ 499. Суббота, 10 июля 1904 г.

Всѣмъ по объявленію За границу нѣтъ нѣтъ 20 к., послѣ текста—10 к.
Омѣнъ нѣтъ Россіи и нѣтъ-за границы объявленію принимаются исключительно изъ Центральной
Контрабанды „Торгового дома Л. и В. Метцъ и Ко“ въ Москвѣ, Могилевѣ, дѣлѣ Сытѣя,
и въ нѣтъ: въ
С. Петербургѣ, въ Большой
Корнѣ, № 11 и въ
Бирмайтѣ, Крайне-север
Почты. Отъ торг.
и въ промѣнѣ,
и въ нѣтъ и всего
Сѣверо-Западнаго Края
и въ нѣтъ. по
и въ нѣтъ. по
и въ нѣтъ. по

и въ нѣтъ. по
и въ нѣтъ. по
и въ нѣтъ. по
и въ нѣтъ. по
и въ нѣтъ. по
и въ нѣтъ. по
и въ нѣтъ. по
и въ нѣтъ. по
и въ нѣтъ. по
и въ нѣтъ. по

Телефонъ редакціи и конторы № 229.

Отдѣльные №№ въ продажѣ по 5 коп.

Сѣверо-Западный

ВЫХОДИТЪ въ Минскѣ губ. ЕЖЕДНЕВНО
КРОМѢ ДНЕЙ ПОСЛА ПРАЗДНИЧНЫХЪ.

Доставляется въ нѣтъ. по
и въ нѣтъ. по
и въ нѣтъ. по
и въ нѣтъ. по
и въ нѣтъ. по
и въ нѣтъ. по
и въ нѣтъ. по
и въ нѣтъ. по
и въ нѣтъ. по
и въ нѣтъ. по

Статьи для нѣтъ.
и въ нѣтъ. по
и въ нѣтъ. по
и въ нѣтъ. по
и въ нѣтъ. по
и въ нѣтъ. по
и въ нѣтъ. по
и въ нѣтъ. по
и въ нѣтъ. по
и въ нѣтъ. по

Статьи, въ нѣтъ. по
и въ нѣтъ. по
и въ нѣтъ. по
и въ нѣтъ. по
и въ нѣтъ. по
и въ нѣтъ. по
и въ нѣтъ. по
и въ нѣтъ. по
и въ нѣтъ. по
и въ нѣтъ. по

Телефонъ редактора № 235.
Отдѣльные №№ въ продажѣ по 5 коп.

Поэтъ больного настроенія.

По Вогюэ.

Современныя условія срочной журнальной работы развили такую литературную форму, которая, вопреки кичливымъ заголовкамъ, не представляетъ изъ себя ни разсказа, ни новеллы, такъ какъ въ ней отсутствуетъ тенденція. Мимолетное впечатлѣніе, мелкій эпизодъ, характерный контуръ, отрывочный разговоръ, вызывающій въ читателѣ иллюзію,—вотъ изъ чего состоятъ эти краткіе наброски, похожіе на лѣтопись, куда попадаетъ изъ записныхъ книжекъ нашихъ романистовъ излишекъ наблюденій. Какъ искра отъ кремня, высѣкаемаго въ темнотѣ на удобномъ мѣстѣ, освѣщаетъ на мгновеніе необъятную толпу, сокрытую во мракѣ, такъ какая-нибудь его отмѣтка, искусно выбранная, раскрываетъ передъ нами всю жизнь, распутываетъ сложные узлы внутренней драмы.

Антонъ Чеховъ (пишетъ Е. де-Вогюэ) живописуетъ передъ нами картину съ натуры, полную горькой правды; русское общество изображается на ней подъ видомъ „сѣраго пятна“,—выраженіе, которое они всѣ столь охотно повторяютъ, чтобы оттѣнить свой пессимизмъ.

Между обильными произведеніями Чехова „Разсказы“ занимаютъ видное мѣсто. Въ одной изъ своихъ комедій нашъ авторъ выводитъ пьянаго фотографа-любителя, который въ минуту тягостнаго прощанія, когда главные лица обмѣниваются печальными напутствіями, безпрестанно кричитъ: „Прошу не трогаться, еще одинъ снимокъ“! Чеховъ поступаетъ также, какъ его герой; для него все служитъ предлогомъ, чтобы направить аппаратъ на

страданія людей. Другіе русскіе писатели воспѣвали это страданіе, преклонялись передъ нимъ, поэтизировали его, а Чеховъ фотографируетъ его. Словно лента кинематографа (и нельзя найти лучшаго уподобленія для характеристики его творчества), развертывается передъ нашими глазами богатая коллекція его снимковъ, создавая иллюзію въ той же степени, какъ и кинематографъ, въ тѣхъ же границахъ и съ тою же тревожною искусственностью.

„Мнѣ кажется,—продолжаетъ Вогюэ,—въ сложномъ талантѣ Чехова можно распознать вліяніе различныхъ учителей. Во главѣ его литературной генеалогіи стоитъ Гоголь, общій родоначальникъ современнаго направленія, который впервые преподалъ искусство наблюдать и изображать въ реальной обстановкѣ народную жизнь. Чѣмъ дальше отъ Гоголя, тѣмъ число русскихъ романистовъ все болѣе увеличивается, и тѣмъ болѣе становится изумленіе передъ тѣмъ вдохновеннымъ геніемъ, который породилъ ихъ всѣхъ. „Мертвыя души“ будутъ стоять рядомъ съ „Донъ-Кихотомъ“.

Далѣе для Чехова, какъ вообще для всѣхъ его сорежиссеровъ, Левъ Толстой былъ тѣмъ учителемъ анатоміи, который производитъ искусственную диссекцію надъ человѣческимъ сердцемъ. Всѣ хотятъ восхитить у него сокровенную тайну, его искусство опредѣлять всякое твореніе точными признаками, отличающими его отъ другихъ созданій.

Еще болѣе вспоминается въ этюдахъ Чехова изъ деревенской жизни Тургеневъ. Съ перваго же слова тонъ и темпъ разсказа возвращаютъ насъ къ „Запискамъ охотника“. Обратите хотя бы вниманіе на ночную бесѣду слугъ „Въ сараѣ“, когда въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ умираетъ ихъ баринъ, самоубійца. Какъ въ этомъ разсказѣ, такъ и во многихъ другихъ

первые мазки кисти обнаруживают чувствительную восприимчивость Тургенева. Впрочем, очень часто рассказ Чехова круто измѣняется, отзывчивость автора притупляется,—это уже вліяніе новыхъ учителей, проповѣдниковъ безотраднаго пессимизма. Авторъ какъ бы боится поддаться старинной модѣ, облакавшей все дымкой задумчивой поэзіи, сквозь которую въ свѣтломъ мечтаніи взиралъ на миръ Тургеневъ, этотъ великій художникъ—реалистъ.

Чеховъ, очевидно, питаетъ предрасположеніе къ Мопассану: онъ часто цитируетъ его; безъ сомнѣнія, онъ пришелъ къ той вѣрной мысли, что Мопассанъ, какъ совершенная модель, можетъ научить, какъ освѣщать то, что слегка расплывается въ композиціи русскихъ романистовъ, и ускорять медленный темпъ рассказа. Знакомству съ нимъ Чеховъ и обязанъ тѣмъ, что онъ такъ выгодно выдѣляется изъ тѣмъ многихъ своихъ предшественниковъ и соперниковъ большею краткостью, простотою и ясностью мысли.

Чеховъ вообще любитъ изображать губительное дѣйствіе времени, исчезновеніе въ человѣкѣ прежнихъ чувствъ, полную метаморфозу, когда какая-нибудь житейская случайность занесетъ его снова въ давно покинутую среду.

Всякій писатель долженъ ограничиться исканіемъ своего слова. Если же у кого нѣтъ собственнаго міровоззрѣнія, тотъ можетъ выбрать себѣ какое-либо другое почетное занятіе; ну, пусть займется онъ хотя бы скупкой закладныхъ на недвижимость, маклерствомъ на хлѣбной биржѣ, сыромятнымъ ремесломъ или пусть откроетъ прядильню. Чтобы писать, т. е. чтобы превращать міръ въ образцы, нужно взирать на міръ сквозь покрывало Изиды.

Чеховъ переноситъ на театральные подмостки свою разсудочную философію, дикія кривлянья куколъ которыхъ дергаются за бичевку, скрытую отъ

взоровъ зрителей. Онъ очень мало дѣйствуютъ на сценѣ: обреченныя силы неизбежнаго рока, онъ ограничиваются одними жалостливыми размышленіями о своей судьбѣ. Вообще кажется,—продолжаетъ Вогюэ, въ Чеховѣ—романистѣ драматическій талантъ пробудился подъ вліяніемъ Ибсена. Однако, нельзя восхитить у норвежскаго писателя его „иллюзію міра“, его поэзію великихъ символовъ, необузданный идеализмъ его романическихъ героинь: и дѣйствительно, Чеховъ беретъ у него только механическія положенія его созданій и ихъ болѣзненные подергиванья.

Чеховъ выбираетъ дѣйствующими лицами своихъ драмъ типы провинціального общества, по преимуществу наиболѣе безцвѣтнаго и апатичнаго: это незначительные помѣщики, чиновники, земскіе врачи, какіе-нибудь оберъ-офицеры или поручики въ отставкѣ. На всѣхъ ихъ лежитъ печать неудачниковъ. Мѣсто ихъ дѣйствія или вѣрнѣе бездѣйствія—обыкновенно усадьба, вблизи какого-нибудь губернскаго города. И право, со страннымъ предложеніемъ обращается авторъ къ публикѣ: „Взгляните, я хочу позабавить васъ, раскрывъ передъ вами все, что есть наиболѣе низкаго, скучнаго въ вашей странѣ, въ вашей будничной жизни; вы какъ и мои герои, жаждете выбраться изъ этого грязнаго болота, а я погружу васъ туда на нѣсколько часовъ и докажу вамъ, что выкарабкаться оттуда невозможно“. И, изображая ничтожество, авторъ сдержалъ свое обѣщаніе: въ зеркалѣ, которое онъ подноситъ читателю, русское общество видитъ, какъ оно скучаетъ; зрители восторженно хлопаютъ отраженію той самой дѣйствительности, которую они провозгласили усыпительной.

Вполнѣ отдавая дань уваженія таланту Чехова, читатель и зритель, тѣмъ не менѣе, страдаетъ при видѣ

проходящей передъ нимъ длинной вереницы больныхъ, полуживыхъ персонажей, героевъ, похожихъ на фантомъ.

У Горькаго намъ еще чудились раздражающіе крики и визги; у него подъ слоемъ пепла тлѣетъ еще романтизмъ, а мятежный протестъ, сокрытый въ его душѣ, придаетъ особый отпечатокъ его картинамъ нищеты. Чеховъ не волнуется, онъ не протестуетъ; нѣтъ, это художникъ, который выбираетъ модныя темы. И оттого, быть можетъ, его эскизы, несравненно менѣе мрачныя и не такіе рѣзкіе, оставляютъ въ насъ впечатлѣніе болѣе удручающей жестокости.

Въ эпоху крѣпостного права грусть первыхъ писателей, обратившихся къ изученію народа, была тотчасъ же понята. Только въ этомъ и можетъ быть вѣроятное объясненіе смѣху Гоголя, гнѣвной пѣснѣ Некрасова, меланхоліи Тургенева или Достоевскаго. Когда совершилось освобожденіе крестьянъ, глубокий вздохъ облегченія привѣтствовалъ реформу, и въ сердцахъ ожила надежда. Общество вправѣ было требовать радостнаго просвѣтлѣнія мысли писателей; но случилось нѣчто противоположное: какой-то мракъ все болѣе и болѣе окутывалъ русскую мысль. Съ тѣхъ поръ минуло много лѣтъ, но новые дѣятели стали еще ядовитѣе, еще мрачнѣе; еще болѣе, чѣмъ ихъ отцы, растерялись. Какой нѣжной и животворной кажется грусть прежнихъ писателей, въ сравненіи съ тѣми произведеніями, въ которыхъ философскій нигилизмъ граничитъ съ полнымъ умственнымъ оупѣніемъ.

Все единодушно говоритъ за экономическое развитіе Россіи: во всѣхъ отрасляхъ промышленности, въ наукѣ, искусствѣ идетъ дружная и плодотворная работа. Русская нація—честолюбива, какъ это и подобаетъ ей, въвиду ея юности и ея величія. Успѣхи, видные всему свѣту, достигаются твердо и методично, столько же обнару-

живая практическое чутъе, какъ и силу увлеченія. Это—признаки жизненности, что вовсе не согласуется съ наблюденіями надъ самой сердцевиной на обликѣ Россіи, работницы и завоевательницы, нѣтъ слѣдовъ буддійской отрѣшенности отъ міра. „Мнѣ (пишетъ Богюэ), однако, могутъ возразить, что буддійская Индія создала же матеріальную культуру, которая утонченностью не уступала никакой другой; мнѣ скажутъ, что созерцательный двухъ буддистовъ, порвавшихъ связи съ жизнью, все развивался, и если не ихъ раса, то ихъ міровоззрѣніе покорило себѣ двѣ трети тогда извѣстнаго земного шара.“

Но историкъ, улавливающій, какъ ему кажется, господствующій принципъ эволюціи какого-нибудь народа или времени, не смущается тѣми видимыми противорѣчіями, которыя подрываютъ его теорію.

Россія, какъ ее созерцаетъ и изображаетъ Чеховъ,—это огромный организмъ, распростертый на снѣжномъ саванѣ, между степью и лѣсомъ; отъ него убѣгаетъ монахъ, бормоча молитвы, убѣгаетъ и резонеръ, съ трудомъ подавляющій въ себѣ болтовней тяжелой предчувствія. И этой картинѣ не хватаетъ только одного лица, которое залило бы бѣлый призракъ потокомъ ѣдкихъ чернилъ.

И удастся справиться съ этимъ богатыремъ, заколдованнымъ великаномъ русскихъ сказокъ, писателямъ, которые силятся доказать ему, что, пораженный язвами, онъ, на половину мертвый, неизлечимъ и не способенъ возродиться къ здоровой жизни раньше, какъ „черезъ сто или двѣсти лѣтъ.“ Удастся ли имъ растлѣть его дѣвственную душу, уничтожить ее сознаниемъ полной моральной безпомощности? И воспрянетъ ли этотъ великанъ, подчиняясь своему инстинкту, во всей своей энергіи, которая дремлетъ и скопляется въ его огромномъ тѣлѣ?

Н. Зинченко.